

Федорова Е. А., Любарец В. В.

ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДОСТОЕВСКОГО И ТОЛСТОГО О ДЕТСТВЕ

Аннотация. В статье рассматривается телеологический сюжет в произведениях Ф. М. Достоевского «Маленький герой» и Л. Н. Толстого «Детство». Данный сюжет включает в себя мотивы испытания, выбора героя и его движение к спасению. Во время выбора раскрывается доминанта героя, основанная на самопожертвовании. Освобождаясь от Двойника, герой, совершающий нравственный выбор, по учению А.А. Ухтомского, встает на путь Собеседника. Общим локусом для произведений Толстого и Достоевского является сад-парк, что связано с автобиографическими аллюзиями (воспоминанием Толстого о детстве в Ясной Поляне и Достоевского – о Даровом). Сад становится символом утраченного рая и местом «откровения», духовного восхождения маленького героя. В обоих произведениях маленькие герои ведут себя, как «рыцари», сражаясь за сердце своей Прекрасной дамы. Вместе с тем, в повести Толстого есть предсказание юродивого и вещий сон матери о смерти, которую она с покорностью принимает. Заповеди Евангелия, которые соблюдает мать героя и няня Наталья Савишна, становятся образцом для рассказчика. Маленький герой Достоевского также проявляет свободу выбора, следуя за Евангельской Истиной. Оба произведения были написаны в ситуации тяжелого испытания: Достоевский находился в Петропавловской крепости, Толстой – на Кавказской войне. В обоих произведениях писатели размышляют о спасении и ведут за собой читателя.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. А. Ухтомский, телеологический сюжет, мотивы, доминанта, хронотоп.

Для цитирования: Федорова Е. А., Любарец В. В. Телеологический сюжет в произведениях Достоевского и Толстого о детстве // Ученые записки НовГУ. 2024. 2(53). 242-249. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.2(53).242-249

В отечественной и зарубежной науке тема «Достоевский и Толстой» достаточно разработана. Исследователи описывают эпоху, в которую жили писатели [Арденс, 1970; Moss, 2002], рассматривают их взгляды на человека и его место в мире [Бурсов, 1964; Gudonienè, 1998], предлагают историографию проблематики их произведений [Кукуева, 2007; Emerson, 2003], останавливаются на проблеме бессмертия человеческой души [Galkin, 2003; Мегаева, 2002]. Однако внимание критики сосредоточено в основном на полемике Достоевского с Толстым [Galkin, 2003; Жарова, 2012]. Так, И. И. Евлампиев противопоставляет философию истории Толстого и Достоевского [Евлампиев, 2019, с. 61, 70-71], однако трудно согласиться с ним, что Платон Каратаев и Версиков – это герои, за позицией которых проступает авторская точка зрения [Евлампиев, 2019, с. 70-71].

Духовно-нравственная проблематика произведений Толстого и Достоевского исследуется менее активно. Вместе с тем, русские философы начала XX в. (особенно В. С. Соловьев), рассматривая религиозные взгляды Толстого и Достоевского, выходят на проблему сотериологии в их романах [Шовина, 2007, с. 20]. Исследовательские работы А. П. Скафтымова позволяют увидеть в романах Толстого «Война и мир» и Достоевского «Идиот» иерархическую шкалу телеологически направленных ценностей [Скафтымов, 2007, с. 134-137]. Кроме того, данный исследователь предполагает, что в автобиографической трилогии Толстого также раскрывается телеологический принцип тематической композиции [Скафтымов, 2017, с. 134-137].

Концепция детства у Толстого в критике традиционно воспринимается как ассоциация с «земным раем», с периодом жизни человеческой, когда человек находится в состоянии гармонии с собой и с окружающим миром. Так, К. А. Нагина находит в дневнике Толстого воспоминания о матери, связанные с садом, который в повести «Детство», по ее мнению, становится символом «утраченного рая» [Нагина, 2011, с. 142]. С образом сада, действительно, связаны воспоминания Толстого и Достоевского о детстве, проведенном в русской усадьбе с садом-парком. Для Толстого – это Ясная Поляна, для Достоевского – Даровое. Между тем следует заметить, что повесть «Детство» Л. Н. Толстой создавал с 1851 по 1852 г., будучи на Кавказской войне. Над рассказом Ф. М. Достоевский работал в 1849 году, находясь в Петропавловской крепости и ожидая суда над собой по делу петрашевцев (его первое название – «Детская сказка»). Оба произведения создавались в ситуации близости смерти. Примечательно, что в них большое количество автобиографических деталей. Казалось бы, авторы обращаются к самому светлому периоду жизни, чтобы найти в нем источник для преодоления трудностей в настоящем. Однако, если мы обратимся к сюжету произведений, то увидим, что их объединяет мотивы испытания и нравственного выбора. Толстой и Достоевский показывают, что даже маленький человек не отличается безгрешной природой, его выбор не всегда может привести его к спасению.

Чтобы рассмотреть художественную антропологию Толстого и Достоевского, необходимо обратиться к этическому учению Алексея Алексеевича Ухтомского (1875-1942), который сформулировал принцип доминанты, использовал категории Двойника и Собеседника, обращаясь к материалу романов Толстого и Достоевского. В своей статье «Доминанта как рабочий принцип нервных центров» (1923) Ухтомский показал принцип действия доминанты как своеобразной призмы, сквозь которую смотрит на мир человек, и описал три фазы формирования доминанты личности на примере пробуждения любви у Наташи Ростовской к князю Андрею Болконскому. В Рыбинском историко-архитектурном и художественном музее в фонде редкой книги хранится экземпляр журнала с этой статьей, на полях которой Ухтомский размышляет о доминанте, которая определяет судьбу человека: «Всякому напряженному стремлению, всякой доминанте дается добиться своего. Но это может быть и губительно для их носителя. И в этом – Суд, т.е. в самом высшем смысле Судьба человека. Переоценка под страхом смерти стремлений и доминант человека – вот совесть внутри человека и судьба вне его» (Прим. 1, с. 43).

Вслед за преп. Иоанном Лествичником Ухтомский считает, что человеку дан «естественный» закон, который выражается в любви и совести человека. В личности этот закон может столкнуться с «плотской» природой человека. Помочь сделать правильный выбор человеку может совесть: «...Любовь – абсолютное обогащение жизни, которое однако съедает ее и истощает во всех других направлениях. Истощено и угнетено в человек все, за исключением захватившего его образа. – Но дальновиднейший из органов сообщения с миром человека – это совесть. Перед лицом ее, и с ее точки зрения переоценивается объективно всякая любовь. Ибо ради любви создана и образовалась совесть. И ею же она только живет. Заглянуть наиболее далеко и глубоко в то, что следует сделать для любви, – вот вопрос, стимулируемый любовью, ею только и живущий и способный убить соматического человека. Это та «буря мыслей» и томление, когда сталкивается, вспоминается, встает перед мыслью все пройденное,

всь выводы и впечатленія жизни, как, должно быть, бывает перед смертью» (Прим. 4, с. 41-42).

Если обратиться к родителям Николеньки, то автор подчеркивает разницу между их культурными доминантами с помощью одной детали. И.В.Мотеюнайте видит различие между отцом-европейцем Николеньки и его православной матерью, которое раскрывается в отношении к юродивому Грише: глядя на него, мать видит его вериги, а отец – грязные ноги [Мотеюнайте, 1999]. В рассказе «Маленький герой» муж m-me M также назван «европейцем» (Прим. 1, с. 275).

Композиция повести Толстого «Детство» выстраивается вокруг темы смерти: начинается произведение с мысли Николеньки о смерти маменьки (Прим. 2, с. 12), завершается – ее подлинной смертью. Пророчество о грядущем горе исходит от странника и юродивого Гриши, который, по замечанию рассказчика, войдя в дом Николеньки, вздыхал и плакал, что «по мнению тех, которые верили в его способность предсказывать, предвещало какую-нибудь беду нашему дому» (Прим. 2, с. 42). Молитва Гриши, свидетелем которой становится Николенька, вызывает у него «благоговение» и остается в памяти на всю жизнь, особенно последнее восклицание героя: «Да будет воля Твоя!» (Прим. 2, с. 44). Мотив смерти звучит в воспоминаниях матери Николеньки, Натальи Николаевны, о смерти ее отца, которую предрек юродивый Кирюша (Прим. 2, с.28).

Образ матери, которая научила сына молиться, сакрализуется: «любовь к ней и любовь к Богу как-то странно сливались в одно чувство» (Прим. 2, с. 54). Наталью Николаевну называют «ангелом» Наталья Савишна (Прим. 2, с. 94, 101), Мими (Прим. 2, с. 98), бабушка (Прим. 2, с.104). Способом раскрытия личности у Толстого становится прекрасная улыбка маменьки и ее лучистые глаза (Прим. 2, с. 17). Образ княжны Марьи Болконской в романе «Война и мир» коррелирует с образом Натальи Николаевны, поскольку у них есть общий прототип – это мать самого автора, Л. Н. Толстого.

В рассказе Достоевского «Маленький герой» образ m-me M создается путем аналогии: ее «тихие, кроткие черты» напоминают «светлые лица итальянских мадонн» (Прим. 1, с.273). Эта героиня также идеализируется: ее рассказчик сравнивает с «сестрами милосердия в жизни», которые благодаря «состраданию и всепрощению» оказываются готовы к подвигу самопожертвования (Прим. 3, с.273). Таким образом, в обоих произведениях Толстого и Достоевского создаются идеальные женские образы, доминантой которых является любовь и самопожертвование.

Няня Николеньки Иртеньева, Наталья Савишна, рассказывает, что во время болезни у Натальи Николаевны, матушки Николеньки, было видение, после которого она поняла, что смерть неизбежна (Прим. 2, с. 92). Она принимает свою судьбу и пишет мужу: «покоримся воле Его», «Да будет Его святая воля!» (Прим. 2, с. 91, 92). Своих детей она оставляет под покровительство Пресвятой Богородицы: «Матерь Божия, не оставь их!..» (Прим. 2, с. 95). Эта тема материнского благословения становится одной из ведущих в повести «Детство».

Еще одним человеком, который близок авторскому идеалу и принимает волю Божию, становится няня Наталья Савишна. Она говорит Николеньке о судьбе его матери: «Его святая воля! Он затем и взял ее, что она достойна была, а Ему добрых и там нужно» (Прим. 2, с. 100). Как мать Николеньки и как юродивый Гриша, она предчувствует смерть и начинает готовиться к ней спокойно и безропотно (Прим. 2,

с. 105). То, что она не боялась смерти, а приняла ее, как благо, рассказчик объясняет тем, что она исполнила закон Евангелия: «Вся жизнь ее была чистая, бескорыстная любовь и самоотвержение» (Прим. 2, с.107).

По мнению О. В. Железовой, Николенька Иртеньев на балу включается в своеобразный турнир с соперниками за выбранную им даму [Железова, 2019]. В рассказе Ф.М. Достоевского «Маленький герой» ситуация испытания героя похожа. Когда главный герой побеждает своего соперника, укрощая коня, он сам чувствует «что-то рыцарское» в своем поведении, окружающие называют его «Тогенбургом» (Прим. 3, с. 286-287). Мотив рыцарского подвига подчеркивается тем, что Маленький герой участвует со своей дамой сердца в домашнем спектакле, где разыгрывают сцены из средневековья «Госпожа замка и ее паж» (Прим. 3, с. 277). Вместе с тем, вспоминается и русский богатырь Илья Муромец (Прим. 3, с. 284). Главным испытанием для обоих героев становится умение понять другого человека и помочь ему, забывая о самоутверждении. Ситуация усложняется тем, что Маленький герой «тогда не понимал всего» (Прим. 3, с. 292), но любовь к его даме сердца позволила ему помочь ей, стать для нее Собеседником.

Опираясь на труды Отцов Церкви (в основном Иоанна Лествичника и Исаака Сирина), Ухтомский определяет «естественного» (душевного) человека как поступающего по своей природе, несущего в себе любовь и добродетель, но не овладевшего теми добродетелями, которые даются человеку его духовной деятельностью. «Плотской» человек действует против своего естества, а духовный – «естество преобразует в дух». Низшая, «плотская» природа человека может выразиться в его Двойнике. Для Ухтомского Двойник – это барьер между человеком и миром, который возникает из-за того, что человек сосредотачивает доминанту своей души на себе. Из-за этого всё негативное, что есть в человеке, переносится на другого. Человек видит в другом своего Двойника. Перенесение «центра тяжести» открывает человеку «категорию лица»: он видит высшую ценность в своем ближнем. Освобождение от Двойника помогает человеку подняться на другой уровень коммуникации, который Ухтомский называет «собеседованием». «Закон заслуженного собеседника» означает, что мы получаем в жизни тех собеседников, которых заслужили.

Если человек эгоцентричен, он будет видеть вокруг Двойников: «Везде, где человек осуждает других, он исходит из своего Двойника» [Ухтомский, 2022, с. 409]. Понятия Двойник и Собеседник очень тесно связаны с категорией лица – пониманием другого человека как цельной личности, имеющей собственные интересы, взгляды и специфические черты. Ухтомский замечает: «...пока человек не освободился еще от своего Двойника, он, собственно, и не имеет еще Собеседника, а говорит и бредит сам с собой; и лишь когда он пробьет скорлупу и поставит центр тяготения на *лице другого*, он получает впервые Собеседника» [Ухтомский, 2022, с. 403]. Собеседник появляется в тот момент, когда человек сосредотачивается на другом «лице», становится более чутким к реальному миру, как бы отодвигая своё «я» на второй план. Человек расширяет границы своего мировосприятия – он готов меняться ради любви к другому [Ухтомский, 2022, с. 411].

В рассказе «Маленький герой» муж «прекрасной дамы» видит во всех своих Двойников: «Вся природа, весь мир для них не более как одно великолепное зеркало,

которое и создано для того, чтоб мой божок беспрерывно в него на себя любовался и из-за себя никого и ничего не видел» (Прим. 3, 276). Прекрасная блондинка, подруга m-те М, которую рассказчик называет «тиранкой», тоже сначала из-за своего эгоцентризма не замечает, что мальчик «в первый раз в жизни испытал серьезное горе, оскорбление, обиду» (Прим. 3, 282). Только увидев подвиг мальчика и оценив его чувства, «тиранка» становится другом и Собеседником для него.

Маленький герой свой главный подвиг совершает, когда его никто не видит, когда он не думает о том, что его оценят. Наградой становится для него поцелуй его Прекрасной дамы, после которого завершается его детство.

Однако в повести «Детство» Толстого Николенька не всегда выдерживает испытания, которые ему посылаются. Познакомившись с Сережей, мальчик боится ему не понравиться, начинает ему подражать во всем, а Сережа, замечает рассказчик, бессознательно и тиранически пользуется своей властью в детских отношениях (Прим. 2, с. 68). Николенька, следуя за своим кумиром Сережей, проявляет жестокость по отношению к Иленьке Грапу (Прим. 2, с. 73), позволяет иронично отозваться о своем любимом учителе Карле Ивановиче (Прим. 2, с. 80), на похоронах матери он осознает, что к его горю «примешивалось самолюбивое чувство» (Прим. 2, с. 97). Однако рассказчик, обнаруживая временную дистанцию между собой нынешним и тем мальчиком, который вспоминает давние события, таким образом очищает свою душу. Тема исповеди и материнского благословения, по мнению О. В. Железовой, являются основными в повести [Железова, 2019].

В рассказе Достоевского по мере развития сюжета мы наблюдаем становлением главного героя как личности. Последним фактором взросления героя становится взятая им ответственность за репутацию и судьбу m-те М: «А между тем, в этом нет сомнения, внезапное обнаружение тайны было бы ужасом, громовым ударом в ее жизни» (Прим. 1, с. 291). Мы видим, что у героя «категория лица» окончательно сформирована, поскольку он переживает за героиню настолько, что забывает о себе. Мальчик возвращает письмо и радуется вместе с m-те М: «М-те М жадно читала письмо, и, по разгоревшимся ее щекам, по сверкавшему, слезящемуся взгляду, по светлому лицу, в котором каждая черточка трепетала от радостного ощущения, я догадался, что счастье было в этом письме и что развеяна как дым вся тоска ее. Мучительно-сладкое чувство присосалось к моему сердцу...» (Прим. 3, 294). Завершается история с письмом пробуждением нравственного чувства героя: «Я закрыл руками лицо и, весь трепеща, как былинка, невозбранно отдался первому сознанию и откровению сердца, первому, еще неясному прозрению природы моей...» (Прим. 3, с. 295). Эта способность отдаться верному нравственному чувству проявляется после того, как мальчик слышит «неумолкаемый концерт тех, кто “не жнут и не сеют”, а своевольны, как воздух» (Прим. 3, с. 292-293). Эта аллюзия к Евангелию напоминает о необходимости человеку отдаваться воле Божией: «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?» (Матф. 6: 26).

Толстой продолжает исследование «доминанты души» маленького человека в следующей части своей трилогии – «Отрочество». В это время, которое писатель называет «пустыней», когда подросток разрывает связи с окружающими и страдает от одиночества, ему на помощь приходит доминанта, сформированная в детстве.

Рассказчик показывает, что Николенька может сочувствовать другим людям и даже забывать о себе. Карл Иванович рассказывает Николеньке о своей судьбе перед тем, как покидает их дом. Рассказчик передает историю Карла Ивановича со всеми особенностями его речи, смешением немецкого и русского языка, сохранением евангельских аллюзий. Карл Иванович соотносит свои испытания с Господними Страстями: «мне, как сыну Божию, некуда преклонить свою голову» (Прим. 4, с. 25). Также пробуждает сочувствие в душе мальчика любовь слуг Маши и Василия. Николенька пытается понять Машу, которую любит первой любовью: «Долго я смотрел на Машу, которая, лежа на сундуке, утирала слезы своей косынкой, и, всячески стараясь изменять свой взгляд на Василья, я хотел найти ту точку зрения, с которой он мог казаться ей столь привлекательным» (Прим. 4, с. 54). Николенька мечтает о том, чтобы, став хозяином имения, разрешить влюбленным быть вместе, вопреки тому, что Маша нравится ему. Эта готовность пожертвовать своим чувством ради счастья другого, замечает рассказчик, «глубокий след оставила в моей душе» (Прим. 4, с. 54).

Благодаря форме повествования от первого лица и ретроспекции, читатель погружается во внутренний мир маленьких героев, переживает их страхи и избавляется от них, следуя Евангельской заповеди любви к ближнему и желанию следовать воле Божией. Таким образом, телеологический сюжет в обоих произведениях включает мотивы испытания, выбора героя и движение к спасению, которое начинается с сочувствия другому и самоотвержения. В обоих произведениях наблюдается стремление героя следовать Евангельской Истине.

Примечания

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01302, <https://rscf.ru/project/23-28-01302/> «Методология аксиологического подхода к изучению русской словесности А. А. Ухтомского и Д. И. Чижевского».

1. Ухтомский А. А. (1923). Доминанта как рабочий принцип нервных центров. *Русский физиологический журнал имени И. М. Сеченова*. Москва: Петроград, VI (1-3), 31-45. (РБМ-17175).
2. Толстой Л. Н. (1978). Детство. *Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22 тт.* Москва: Художественная литература, 1, 11—107.
3. Достоевский Ф. М. (1972). Полное собрание сочинений: В 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. Повести и рассказы, 1848-1859 / ред. А. С. Долинин, Е. И. Кийко; примеч. Н. М. Перлиной, Н. Н. Соломиной. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 2, 527.
4. Толстой Л. Н. (1935). Полное собрание сочинений в 90 т. / Под общей редакцией В. Г. Черткова. Москва: Художественная литература, 2, 411.

Литература и источники

- Арденс Н. Н. (1970). Достоевский и Толстой: учебное пособие для студентов факультета русского языка и литературы. Москва: Московский гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина, 1970, 371.
- Бурсов Б. К. (1964). Толстой и Достоевский. *Вопросы литературы*, 7, 66-92.
- Евлампиев И.И. (2019). Спор о роли личности в истории: роман Ф. Достоевского «Подросток» против романа Л. Толстого «Война и мир». *Парадигма: философско-культурологический альманах*, 30, 48-76.
- Жарова А. А. (2012). Формы творческой полемики Ф.М. Достоевского с Л. Н. Толстым. Автореф. ... канд. филол. наук. Москва, 19.

- Железова О. В. (2019). Возрастные инициации в повести Л.Н. Толстого «Детство». *Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование*, 1 (33), 126-132.
- Кукуева А. А. (2007). Лев Толстой и Федор Достоевский: история сопоставительного изучения. *Известия Дагестанского педагогического университета*, 1, 97-100.
- Мегаева К. И. (2002). Ф. М. Достоевский и Л.Н. Толстой (романы 60-70 х годов): Учебное пособие по спецкурсу. Махачкала. URL: <https://refdb.ru/look/1157330-pall.html> (Дата обращения: 03.08.2023).
- Мотейунайте И. В. (1999). Образ юродивого Гриши как знак русской культуры в повести Л. Н. Толстого «Детство». *Славянский альманах*, 293-298.
- Нагина К. А. (2011). Сад и Бог в произведениях Л. Толстого и Ф. Достоевского. *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*, 7 (13), 139-147.
- Скафтымов А. П. (2007). *Поэтика художественного произведения*. Москва, Высшая школа, 535.
- Скафтымов А. П. (2017). Образ Кутузова и философия истории в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» (подготовительные материалы). Евгений Александрович Маймин и его время. Материалы Международной научной конференции. Псков, с. 128-140. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38035580> (Дата обращения: 07.07.2023).
- Шовина Е. Н. (2007). Осмысление представлений о бессмертии в русской религиозной философии конца XIX века: Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев, Л. Н. Толстой. Автореф. ... канд. философ. наук. Мурманск, 22.
- Ухтомский А. А. (2022). *Доминанта. Ухтомский А.А. От двойника к собеседнику*. Санкт-Петербург: Питер, 376-442.
- Emerson C. (2003). Tolstoy and Dostoevsky: Seductions of the Old Criticism. *LeoTolstoy. Edited and with an introduction by Harold Bloom*. Philadelphia, Chelsea House publishers, 101-123.
- Galkin A. B. (2003). Death or Immortality? Dostoevsky versus Tolstoy. *Leo Tolstoy. Edited and with an introduction by Harold Bloom*. Philadelphia, Chelsea House publishers, 179-195.
- Gudonienè V. (1998). Chelovek Dostoevskogo i Tolstogo. *Gudonienè, Vida. Iskusstvo psikhologicheskogo povestvovaniia (Ot Turgeneva k Buninu)*. Vil'nius: VPU leidykla, 66-86.
- Moss W. G. (2002). *Russia in the Age of Alexander II Tolstoy and Dostoevsky*. London: Anthem Press, 295.

References

- Ardens H. H. (1970). Dostoevskii i Tolstoi: uchebnoye posobiye dlya studentov fakulteta russkogo yazyka i literatury. Moskva, Moskovskiy gos. ped. in-t im. V. I. Lenina [Dostoevsky and Tolstoy: a textbook for students of the Faculty of Russian Language and Literature]. Moscow, Moscow State V. I. Lenin Pedagogical Institute, 371.
- Bursov B. K. (1964). Tolstoi i Dostoevskii [Tolstoy and Dostoevsky]. *Voprosy literatury*, 7, 66-92.
- Evlampiev I.I. (2019). Spor o roli lichnosti v istorii: roman F. Dostoyevskogo «Podrostok» protiv romana L. Tolstogo «Voyna i mir». [The controversy about the role of the individual in history: F.M. Dostoevsky's novel "The Raw Youth" against L.N. Tolstoy's novel "War and Peace"]. *Paradigma: filosofsko-kul'turologicheskii al'manakh*, 30, 48-76.
- Emerson C. (2003). Tolstoy and Dostoevsky: Seductions of the Old Criticism. *LeoTolstoy. Edited and with an introduction by Harold Bloom*. Philadelphia, Chelsea House publishers, 101-123.
- Galkin A. B. (2003). Death or Immortality? Dostoevsky versus Tolstoy. *Leo Tolstoy. Edited and with an introduction by Harold Bloom*. Philadelphia, Chelsea House publishers, 179-195.
- Gudonienè V. (1998). Chelovek Dostoevskogo i Tolstogo. *Gudonienè, Vida. Iskusstvo psikhologicheskogo povestvovaniia (Ot Turgeneva k Buninu)*. Vil'nius, VPU leidykla, 1998, 66-86.
- Kukueva A. A. (2007). *Izvestiya Dagestanskogo pedagogicheskogo universiteta*, 1, 97-100.
- Megaeva K. I. (2002). F.M. Dostoevskii i L.N. Tolstoi (romany 60-70 kh godov): Uchebnoye posobiye po spetskursu [Dostoevsky and L.N. Tolstoy (novels of the 60-70s): a textbook for a special course], Makhachkala. URL: <https://refdb.ru/look/1157330-pall.html> (Accessed: August 03, 2023).
- Moteyunaite I.V. (1999). Obraz yurodivogo Grishi kak znak russkoy kul'tury v povesti L.N. Tolstogo «Detstvo» [The image of the holy fool Grisha as a sign of Russian culture in the story by L.N. Tolstoy's "Childhood"]. *Slavic Almanac*, 293-298.

- Moss W. G. (2002). *Russia in the Age of Alexander II Tolstoy and Dostoevsky*. London, Anthem Press, 295.
- Nagina K. A. (2011). [Garden and God in the novels by L. Tolstoy and F. Dostoevskiy] *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 7 (13), 139-147.
- Skaftymov A. P. (2007). *Poetika khudozhestvennogo proizvedeniya (Poetics of a work of art)*, Moscow: Vysshaya shkola, 535.
- Skaftymov A. P. (2017). *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Materials of the International Scientific Conference)*, Pskov, 128-140. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38035580> (Accessed: July 07, 2023).
- Shovina E.H. (2007). *Osmyslenie predstavlenii o bessmertii v russkoi religioznoi filosofii kontsa XIX veka: F. M. Dostoevskii, V. S. Solov'ev, L. N. Tolstoi [Understanding of the ideas of immortality in the Russian religious philosophy of the late 19th century: F. M. Dostoevsky, V. S. Solovyov, L. N. Tolstoy]*, Extended abstract of candidate's thesis. Murmansk, 22.
- Ukhtomskii A. A. (2022). *Dominanta (Dominant)*. *Ukhtomskiy A. A. Ot dvoynika k sobesedniku*. St. Petersburg: Piter, 376-442.
- Zharova A. A. (2012). *Formy tvorcheskoi polemiki F.M. Dostoevskogo s L. N. Tolstym (Forms of F. M. Dostoevsky's creative polemic with L. N. Tolstoy)*, Extended abstract of candidate's thesis, Moscow, 19.
- Zhelezova O.V. (2019). *Vozrastnyye initsiatsii v povesti L. N. Tolstogo «Detstvo» [Age Initiation in L. N. Tolstoy's "Childhood"]*. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1 (33), 126-132.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 30.01.2024.
Принята к публикации 24.04.2024.

Об авторах

Федорова Елена Алексеевна – доктор филологических наук, доцент, Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова; ORCID: 0000-0001-7756-2499; sole11@yandex.ru

Любарец Виктория Викторовна – студентка, Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова; ORCID: 0009-0001-0369-3282; trybatrepko2003@gmail.com

Fedorova E. A., Lyubarets V. V.

TELEOLOGICAL PLOT IN THE WORKS OF DOSTOEVSKY AND TOLSTOY ABOUT CHILDHOOD

Abstract. The article discusses the teleological plot in the works of F.M. Dostoevsky's "A Little Hero" and Leo Tolstoy's *Childhood*. This plot includes the motives of the test, the choice of the hero and his movement to salvation. During the choice, the dominant character, based on self-sacrifice, is revealed. Freeing himself from Dvoikin, the hero who makes a moral choice, according to the teachings of A.A. Ukhtomsky, takes the path of the Interlocutor. A common locus for the works of Tolstoy and Dostoevsky is the garden park, which is associated with autobiographical allusions (memories of childhood in Yasnaya Polyana and Darovoe). The garden becomes a symbol of the lost paradise and a place of "revelation", the spiritual ascent of the little hero. In both works, the little heroes behave like "knights", fighting for the heart of their Beautiful lady. At the same time, in Tolstoy's story there is a prediction of a fool and a prophetic dream of a mother about death, which she accepts with humility. The commandments of the Gospel, which are observed by the hero's mother and nanny Natalia Savishna, become a model for the narrator. Dostoevsky's little hero also shows freedom of choice, following the Gospel Truth. Both works were written in a situation of ordeal: Dostoevsky was in the Peter and Paul Fortress, Tolstoy was in the Caucasian War. In both works, the writers reflect on salvation and lead the reader.

Keywords: F. M. Dostoevsky, L. N. Tolstoy, A. A. Ukhtomsky, teleological plot, motives, dominant, chronotope.

For citation: Fedorova E. A., Lyubarets V. V. Teleological plot in the works of Dostoevsky and Tolstoy about childhood. *Memoirs of NovSU*, 2024, 2(53), 242-249. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.2(53).242-249